

Постсоветская молодёжь

The background of the cover is a photograph of young people in the 1990s. In the foreground, a young man with a spiky, light brown hairstyle and a white t-shirt looks off to the side. Behind him, a young woman with blonde hair in a large, voluminous style wears a light blue jacket. To the left, another young woman with blonde hair in a ponytail wears a pink jacket. The overall tone is nostalgic and captures the youth culture of the post-Soviet era.

библиотека
журнала

ИСТОРИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ СОЦИОЛОГИЯ

неприкосновенный
запас

18+

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Лев Гудков

**Постсоветская молодёжь.
Предварительные итоги**

«НЛО»

2023

УДК 316.346.32-053.6(470+571)«1989/20»
ББК 60.542.15(2)64

Гудков Л. Д.

Постсоветская молодёжь. Предварительные итоги /
Л. Д. Гудков — «НЛО», 2023 — (Библиотека журнала
«Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-2145-9

Молодежь — это социальная группа, которая наиболее остро чувствует любые изменения, начинающие происходить в обществе или только витающие в воздухе. В центре внимания авторов коллективной монографии оказываются два поколения постсоветской молодежи — родившиеся в середине или конце 1980-х и в середине или конце 1990-х годов. Первые застали крах огромной империи, период социальной дезориентированности и самых радикальных государственных трансформаций, а вторые — установление авторитарного режима, бурный рост потребления и возвращение к консервативной идеологии. Как эти два поколения относятся к советскому прошлому? Что думают о Западе, о демократии и участии в политике, о религии и морали? Насколько распространены среди них расизм и ксенофобия по сравнению со старшими возрастными группами? Анализируя результаты социологических исследований, авторы пытаются найти ответы на важнейшие вопросы и понять, удалось ли представителям этих поколений усвоить новую систему ценностей.

УДК 316.346.32-053.6(470+571)«1989/20»
ББК 60.542.15(2)64

ISBN 978-5-4448-2145-9

© Гудков Л. Д., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

1. Предисловие. Смысл и значение социологических исследований молодежи в постсоветское время	7
2. Особенности политической культуры России и блокировка социально-политической трансформации	10
Проблема «поколения» в дискуссиях в Германии и России	10
К определению молодежи	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Лев Гудков, Наталия Зоркая,
Екатерина Кочергина, Карина Пипия**
Постсоветская молодёжь
Предварительные итоги

Совместный проект издательского дома «Новое литературное обозрение» и Фонда имени Фридриха Эберта в России

Редактор серии А. Куманьков

На обложке: Зрители во время тренировочных полетов сборной команды СССР по высшему пилотажу перед чемпионатом Европы во Франции.

© Владимир Вяткин / РИА Новости

© АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР», 2021

© И. Дик, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

1. Предисловие. Смысл и значение социологических исследований молодежи в постсоветское время

Предлагаемая читателю книга представляет собой анализ материалов ряда социологических исследований молодежи, проведенных сотрудниками Левада-Центра начиная с 1989 года. Она содержит обобщение полученных к середине 2000-х годов результатов и подводит итог работам по этой тематике, проведенным позднее, главным образом в 2018–2020 годах ¹.

Проблематика молодежи (в рамках основных проектов нашего центра) всегда рассматривалась в контексте идущих социальных изменений и осмысливающих их концепций. По существу, мы описываем очередные фазы процесса изменений коллективных представлений (их рекомбинации), захватывающих два постсоветских «поколения» молодежи – родившихся в середине или в конце 1980-х годов и в середине или конце 1990-х годов. Социализация первых совпала со временем распада СССР, с самым тяжелым периодом институциональных трансформаций, падением уровня и качества жизни, социальной дезориентированностью основной массы населения, anomией, быстрой утратой перестроечных иллюзий; социализация второго поколения приходится на годы установления авторитарного режима, бурного роста потребления, идеологического консерватизма и конфронтации с Западом, появления протестного движения 2010–2013 годов и аннексии Крыма.

Крах коммунистической системы, кризис которой обозначился уже в середине 1980-х годов, поставил перед социальными учеными множество теоретических вопросов о природе и причинах кризиса тоталитарного режима и его последствиях. Ответов на эти вопросы не было не столько потому, что не хватало необходимой эмпирической информации для понимания устойчивости системы, ресурсов ее легитимности и потенциала воспроизводства (то есть необходимых социальных, экономических и культурологических исследований), сколько, наоборот, из-за отсутствия концептуальных наработок и ограниченности ценностных оснований, что сдерживало возможности эмпирических исследований, загоняя последние в рамки социологической банальности и поверхностного описания.

В позднесоветское время усилия по восстановлению социологии как научной дисциплины после ее запрещения в 1920-х годах натолкнулись на сопротивление партийных консерваторов, настаивающих на том, что социологии как самостоятельной науки в рамках марксистского обществоведения не может быть, что функции теории общества и государства выполняют разработки на основе «исторического материализма». Социологии отводилась частная роль эмпирического подтверждения правильности партийного курса и средства «оптимизации эффективности» государственного управления. Советская социология находилась в придушенном состоянии, не будучи способной освободиться от идеологических и организационных последствий разгрома в 1972 году Института конкретных социальных исследований АН СССР, чисток исследовательских кадров, общего ужесточения политического контроля, наступившего после Пражской весны и рабочих волнений в Польше, и преследований инакомыслящих. Никаких открытых теоретических обсуждений вопросов устойчивости режима и возможных последствий его краха не могло быть. И главным образом их не было потому, что не было тех, кто мог бы ставить такие вопросы. Сервильность и научная стерильность оставшихся и вновь набранных после чисток 1972–1973 годов «социологов» ИКСИ АН СССР – ведущего

¹ Рабочая группа, занимавшаяся в последние годы реализацией этого проекта (концепцией, разработкой тематических блоков интервью, анализом данных и подготовкой текстов для настоящей книги), включала Л. Д. Гудкова, Н. А. Зоркую, Е. В. Кочергину и К. Д. Пипию; проведение самих опросов (выборка, организация и технология исследования, контроль и обработка данных) обеспечивалось соответствующими функциональными отделами Левада-Центра.

академического института социологии – надолго, на десятилетия, определили серость, эклектику, зависимость от властей российской социологии, ее функцию обслуживания бюрократии.

Собственно социологическая проблематика ушла в сферу неформальных дискуссий и семинаров, не подлежащих внешнему контролю. Период середины 1970-х – начала 1980-х годов был периодом «устной социологии». Именно в это время бывшие сотрудники Ю. А. Левады из возглавляемого им (до разгрома института) Сектора теории и методологии изучения социальных процессов (ведущего на тот момент научного подразделения, занимавшегося анализом современных социологических теорий) стали обсуждать проблемы возможной трансформации коммунистической системы, механизмы ее воспроизводства, ресурсы ее устойчивости, значение бюрократии, функции, типы и т. п. Учреждение в 1987 году Всесоюзного центра изучения общественного мнения позволило подвести под эти дискуссии основу в виде эмпирических исследований начавшихся трансформаций. Его возглавили академик Т. И. Заславская, автор знаменитого «новосибирского манифеста», в котором был поставлен диагноз истощения возможностей «социалистической экономики», и Б. А. Грушин, много лет пытавшийся создать советский Гэллуп – институт по изучению общественного мнения в СССР. Заславская пригласила на работу опального Леваду и его сотрудников, положив начало масштабным исследованиям процессов трансформации советской системы².

Исходная гипотеза Ю. Левады состояла в том, что кризис советской системы связан с дефектами ее воспроизводства, а именно медленно нарастающим внутренним сопротивлением людей хроническому режиму мобилизационного общества – военизированного, иерархического, с централизованной государственной распределительной экономикой, подчиненной политическим целям, в том числе имперской экспансии и поддержанию военного паритета с США и НАТО.

Парадокс существования этой системы заключался в том, что сохранение огромного военно-промышленного потенциала требовало все больше квалифицированных инженерно-технических и научных специалистов, подготовленных рабочих, что вступало в противоречие с жестким контролем над социальной мобильностью, в первую очередь вертикальной, и плановой дистрибутивной системой оплаты труда. Хронический потребительский и информационный дефицит подавлял инициативу и мотивацию к интенсивной и продуктивной работе. Высокий уровень военных расходов мог сохраняться на протяжении десятилетий только за счет низкого уровня жизни населения, идеологически оправдываемого враждебным окружением страны и угрозой войны, конфронтацией двух социально-политических систем – западной демократии и закрытого общества социализма. Брежневский застой сопровождался относительным перепроизводством людей с высоким уровнем образования, с одной стороны, и истощением веры в коммунизм и, соответственно, эрозией легитимности власти, с другой. Он дал толчок (молодежному) эскапизму, появлению андеграунда и разнообразных форм уклонения от власти, пассивного сопротивления режиму, возникновению разнообразных контркультурных движений – от религиозного национализма до неоязычества и оккультизма. Начиная с середины 1980-х годов обозначились признаки внутреннего разложения системы.

² В 1989–1993 годах были проведены несколько масштабных исследований: «Итоги года», «Русский национализм», «Бюрократия», «Антисемитизм и ксенофобия», «Миграция русских из бывших республик СССР» и др. Но главным, программным для команды Ю. Левады стал исследовательский проект «Простой советский человек» – социологическое и социально-антропологическое изучение ценностных и нормативных установок уходящего общества. Это исследование (1990–2012) представляет собой опрос, повторяемый каждые четыре-пять лет по той же анкете и методике, что позволяет фиксировать как изменения в базовых характеристиках российского общества, так и воспроизводящиеся структуры массового сознания. Анализ результатов первого опроса см.: Простой советский человек. Опыт социологического портрета на рубеже 90-х. М., 1993. Последующие материалы проекта рассматривались в книгах: *Левада Ю. От мнений – к пониманию*. М.: МШПИ, 2000; *Он же. Ищем человека*. М.: Новое издательство, 2006, их можно найти в многочисленных публикациях в журнале Левада-Центра «Вестник общественного мнения».

Крах советской системы был вызван резонансом трех масштабных процессов, каждый из которых не был «смертельным» для режима: кризиса государственной плановой экономики, неспособной обеспечить людей жизненно необходимыми средствами существования, кризиса этнонациональных отношений – нарастания сепаратизма советских республик и этнонациональных автономий внутри них³, и кризиса идеологии – утраты веры в марксизм, коммунизм и будущее социализма.

Острее всего эти противоречия между склеротизированной системой государственного управления (господства) и новыми запросами общества, новыми отношениями проявлялись у молодежи, отказывавшейся следовать привычным нормам поведения старших поколений советских людей. Легитимные основы советского порядка размывало сознание противостественности сохранявшегося изоляционизма вкупе с медленно нараставшим неприятием покорности, всеобщего оппортунизма и идеологического конформизма, а также внутреннее сопротивление бессмысленной войне в Афганистане в сочетании с хроническим потребительским дефицитом⁴.

Уже самые первые социологические исследования, проведенные в рамках нашего сквозного проекта «Советский простой человек», показали устойчивую связку трех параметров: возраста, образования и места жительства. *Молодые, образованные жители крупных городов* (в первую очередь столиц, включая республиканские столицы – Киев, Тбилиси, Ригу, Таллин, Вильнюс, Кишинев, таких мегаполисов, как Екатеринбург (Свердловск), Нижний Новгород (Горький), Новосибирск и др.) характеризовались прозападными, демократическими установками, требованием реформ и антикоммунистическими взглядами. Казалось, что именно эти группы населения будут задавать вектор социальных и политических изменений.

Но этого, как известно, не произошло. «Одним из ключевых символических кодов в первоначальном восприятии перестройки и реформ был код молодежной культуры („субкультуры“). Однако при всей открытости более молодого поколения к переменам, при относительном усвоении им достижительских ориентаций и их символов, установок на успех, социальное продвижение и т. д., горизонт понимания этих перемен, связанных с ними процессов в политической, экономической, культурной жизни в значительной степени блокировался именно данным молодежным кодом. Представляя соответствующие символы как знаки возрастной фазы, а не общезначимого образца, он определял – а значит, и ограничивал – уровень восприятия, глубину понимания перечисленных процессов. По мере ослабления и бюрократизации политических и культурных элит в процессах блокирования выработки новых „языков“ декларируемые в начале перестройки либерально-демократические ценности тем легче превращались в риторические фигуры, лишаясь функций, сколько-нибудь продуктивных для самопонимания общества»⁵.

С точки зрения генерационной проблематики (хотя, конечно, можно предположить и другие интерпретации) молодежь с такими ценностными ориентациями была оттеснена предшествующим поколением бюрократии, поколением застоя (задержанным в своем карьерном развитии) и не допущена к ключевым социальным позициям, что должно было бы стать предпосылкой институциональных изменений. В результате в перестроечной политике и в первые годы реформ доминировал дискурс «демократической части советской номенклатуры», персонифицированной фигурами Б. Ельцина, членов его правительства и депутатского корпуса (Р. Хасбулатов, А. Лукьянов и проч.).

³ К 1987–1989 годам в стране насчитывалось более 130 кровопролитных конфликтов между разными этническими общинами.

⁴ См.: Есть мнение! Итоги социологического опроса. М.: Прогресс, 1990.

⁵ Зоркая Н. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установка на социальное достижение // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2001. Март – апрель. № 2 (52). С. 23.

2. Особенности политической культуры России и блокировка социально-политической трансформации

Проблема «поколения» в дискуссиях в Германии и России

Неудача демократизации в России, вопреки расхожим представлениям либералов и демократов, может объясняться особенностями политической культуры, ценностной и институциональной блокировкой процессов структурно-функциональной дифференциации и сохранением «вертикальной» (суверенной, независимой от общества) структуры власти. В публичном дискурсе есть все «необходимые» слова и понятия, возникшие после краха СССР: «демократия», «правовое государство», «верховенство права», «суверенитет народа», проявляющиеся в электоральных процессах и выборах, но за ними уже давно нет должного смысла. Такого рода понятия – не более чем поддельные ярлыки известных фирменных брендов на «самопальных» товарах.

Проблема заключается в том, что не возникли (отсутствуют, оказываются незначимыми) обозначаемые этими словами генерализованные ценностные представления, способные служить моральной основой и институциональными направляющими для социальных (групповых) интересов, соответственно, мотивации социального действия *res publica*. Последние не возникают как действенные социальные регуляторы: нет ментальных механизмов, которые должны были бы задавать идею «общества» и соответствующих ему институтов. Ее заменяет комплекс значений «общества-государства», тоталитарных по происхождению, заметно ослабленных в последние десятилетия, но еще вполне действенных. Если не углубляться в давнее прошлое (наследие русской политической культуры, включающей как крепостное сознание массы крестьянского населения, так и имперские слои поверхностно образованного городского населения), то мы имеем дело с резидуумами идеологии брежневского социализма – сочетанием государственного патернализма, признания безальтернативности существующей власти с верой в Россию как «Великую державу русских». Агрегаты таких очень стертых, остаточных идеологических стереотипов, охватывающих весь имеющийся набор представлений о коллективном единстве и общих ценностях, обеспечивают достаточную легитимацию авторитарного режима. В этот набор объединяющих символов входят прежде всего различные знаки государственного патриотизма русских, тезисы о России как «особой цивилизации», о важности противостояния Западу, «особом пути развития» и, соответственно, необходимости повышенной заботы о «национальной безопасности», гордости военной мощью и победой во Второй мировой войне. Ключевой момент: утверждение приоритета государственных интересов над индивидуальными и частными целями и проблемами существования. Объявляя себя единственным легитимным хранителем и держателем общенациональных ценностей и интересов, действующий режим последовательно подавляет любые возможности публичного представительства взглядов и интересов различных категорий населения, делая бессмысленным личное участие граждан в общественно значимых делах, ответственность за положение дел в разных сферах коллективной жизни, их включенность в текущие события в обществе. Новый российский политический класс, присваивая себе суверенное право защиты «традиционных ценностей», стремится закрепить свою легитимность через обращение к идеологически переработанному прошлому – интерпретации прошлого (ставшей в этих обстоятельствах единственно возможной) как героической истории становления русского государства, колоссальной континентальной империи. Все другие подходы и версии объявляются «фальсификацией истории», подрывающей и разрушающей единство власти и народа. Политический «инстинкт» властей

предержащих видит в плюрализме мнений и общественных дискуссий, разнообразии форм гражданского общества угрозу своему положению, заставляя режим последовательно уничтожать зачатки автономных публичных элит и шансы на допустимую рефлекссию и оценку действий власти. Мифология прошлого (генезис или становление «Великой державы») выступает единственной основой легитимности власти, уничтожающей плюрализм в обществе и идеи демократии, разделения ветвей власти, представительства и общественного контроля над правительством.

В этом контексте проблематика молодежи становится важной частью государственной политики контроля над прошлым. Необходимость «правильной» трактовки и освещения российской истории означает исключение из преподавания и обучения, из практик социализации каждого нового поколения любых сомнительных вопросов, связанных с преступлениями государства в прошлом, террором и массовыми репрессиями. Это означает, что из общественной повестки удаляются любые вопросы, связанные с природой советского тоталитаризма, демографической цены за проводимую политику. Вся суть воспитания «патриотизма» заключается в том, чтобы устранить саму мысль об ответственности представителей власти за свои действия, оставив лишь «гордость» как основу для национальной консолидации. Как заявлял политолог Л. Поляков (один из авторов концепции единого учебника истории для школы) в дискуссии об исторической политике, организованной фондом Ф. Наумана, «нам нужно счастливое забвение прошлого, чтобы не порождать конфликтов между поколениями».

Российским руководством предпринимаются особые усилия для стерилизации всякого рода проблемных тем, способных стать поводом для сомнения в абсолютном суверенитете действующей власти (или власти в советском прошлом). Поэтому почти все исследования молодежи недавнего времени тщательно обходят любые упоминания об отношении молодежи к политике или участию в деятельности организаций гражданского общества (В. Радаев) и подчеркивают «патриотизм нового поколения россиян» (М. Горшков и Ф. Шереги и др.).

В результате сама проблематика поколения в работах российских социологов производит очень странное впечатление: затрагиваются лишь частные особенности поведения молодых людей (поведенческие «практики»), отличающие их от взрослых, а именно: активное использование Интернета и технологий, склонность к развлечениям, потребительское и гедонистическое отношение к жизни, снижение уровня асоциального поведения и т. п. Без внимания остаются вопросы воспроизводства социальной системы в целом и роли новых поколений в этих процессах. Теоретическая проблематика поколений, таким образом, оказывается неразвернутой и в сущности ненужной. Отсылки к западной литературе носят конъюнктурный или декоративный характер, обозначая лишь соответствие проводимых интерпретаций уровню «современной науки».

Совершенно иной характер имели и имеют дискуссии о поколении в Германии. Именно взаимосвязь проблематики ключевых сфер – политики, проработки прошлого (*Vergangenheitsverarbeitung*), освобождения от наследия тоталитаризма – становится фокусом анализа и исследовательского внимания. Конstellляция общественных, политических, моральных и исторических обстоятельств немецкого общества после войны сделала старую статью К. Мангейма о поколениях, которая в момент ее публикации (1928 год) не вызвала большого интереса, остро актуальной и продуктивной⁶.

«Дискурс поколений имел центральное значение для политики прошлого (*Vergangenheitspolitik*) Германии после 1945 года. Он стал площадкой, на которой происходили дискуссии о политической и моральной власти. Самоопределение индивидов как представителей или членов какого-то поколения замещало или перекрывало парадигму жертв и соучастников преступлений. Именно поэтому дискурс поколений нередко представлял собой скрытый

⁶ Mannheim K. Das Problem der Generationen // Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie. 1928. H. 7. S. 157–185.

национальный дискурс, в котором артикулировались защита от сознания вины и стремление к очищению. <...> Поколение функционировало как медиум политики памяти. В период непосредственно после конца Второй мировой войны культурно-политический дискурс был отмечен программой „юного поколения“, которая обусловлена радикальным отрицанием тематики происхождения»⁷. В 1947 году А. Андерш в программной статье «Молодая Европа формирует свое лицо» от имени «Группы 47» выдвинул тезис о необходимости для молодежи начать все сначала, порывая с нацистским прошлым. Сама по себе такая постановка вопроса означала не только отказ от идентификации с предшествующим поколением, поддержавшим гитлеровский режим, войну, а стало быть, ответственным за преступления нацистского тоталитарного государства и неотделимого от него общества, но и вытеснение самой проблематики социокультурного воспроизводства. «Известная риторика о „нулевом пункте“, с которым связаны фантазмы молодого поколения, не затрагивающая тему „его происхождения“, соответствовала логике „непорочного зачатия“. Этот конструкт молодого поколения является предпосылкой для того, чтобы авторы определяли свое самопонимание как одновременность и общность с другими немнемецкими группами, вместо того чтобы выводить из этого свое отношение к недавнему прошлому»⁸.

Проблематика поколений в немецкой научной и общественной литературе в середине 1960-х годов⁹ с самого начала оказалась связанной с крайне важными моментами коллективного самосознания и интеллектуальной ответственности: моральной позицией, национальной идентичностью, трезвым анализом общественных изменений, а также с методологической саморефлексией исследователей, вынужденных проверять и саму постановку вопросов исследования, и адекватность используемых понятийных инструментов. Последнее обстоятельство стало стимулом для различного рода критики К. Мангейма и самих исследований поколений.

В ходе этих дискуссий обнаружилось весьма широкое, но и очень противоречивое поле значений самого понятия «поколение». Поколение могло означать:

- а) привязку к символическим событиям, ставшим основой для групповой идентичности (по выражению В. Зеебальда, «*Zeitheimat*»);
- б) понятие временного упорядочения исторических и квазиисторических связей;
- в) формулу самотематизации определенных культурных групп или течений;
- г) аналитическую категорию, фиксирующую последовательность смены фамильных и общественных генераций и, соответственно,
- д) делающую коллективный опыт отдельных возрастных когорт предметом возможного осмысления своего происхождения;
- е) определение позиции в политических процессах, в системах коммуникаций и освоения новых технологий, отношение к элитам, к различного рода субкультурам или к господствующей культуре большинства и многое другое.

Среди важнейших тем, связанных с центральными мотивами поколенческих исследований, следует назвать процессы и особенности социализации, проблемы семьи и отношений между ее членами, психоаналитические аспекты межпоколенческого взаимодействия (травмы, фрустрации, зависимости, отталкивание и дистанцирование и проч.). Другими словами, именно критика и развертывание внутренней структуры понятия «поколение», исполь-

⁷ Weigel S. Familienbande, Phantome und die Vergangenheitspolitik der Generationsdiskurs. Abwehr von und Sehnsucht nach Herkunft // *Generation. Zur Relevanz eines wissenschaftlichen Grundbegriffs* / Hrsg. von U. Jureit und M. Wildt. Hamburg: Hamburger Edition, 2005. S. 120.

⁸ Ibid. S. 121. (Под «немнемецкими группами» автор подразумевает как солдат союзных войск, так и евреев или участников движения сопротивления. – *Прим. авт.*)

⁹ Публикация принципиальной статьи К. Мангейма 1928 года не вызвала особого отклика и внимания у современников и только в конце 1960-х годов стала основой концептуальных проработок и основой, от которой отталкивались другие ученые и публицисты. См. анализ различных аргументов в дискуссиях о «политическом поколении» в работе: Jaeger H. *Generation in der Geschichte. Überlegungen zu einer umstrittenen Konzeption* // *Geschichte und Gesellschaft*. 1977. Bd. 3. S. 429–452.

зуемого разными группами ученых и публицистов в своих целях и ценностных перспективах, показали значительные логические противоречия и нестыковки в использовании этого слова.

Критики Мангейма указывали на то, что так или иначе характеристики некоторого меньшинства, иногда элитной группы, вносящего новые смыслы и значения в систему общественных коммуникаций и реинтерпретацию реальности исходя из своего опыта и экзистенциальных переживаний, произвольно или неконтролируемо распространяются на весь массив современников – возрастные группы, объединенные по признаку общности времени (годов) рождения, синхронности социализации или включенности в исторические события и процессы. При этом происходит вменение особенностей поведения, идентификации, манифестации своих ценностей определенными группами тем массивам, которые не могут характеризоваться тем же самым образом, что и описываемое меньшинство. Они подчеркивали, что имеет место идеологическая проекция, вызванная слабостью методического самоконтроля исследователя.

Наконец, следует упомянуть также вполне резонные упреки, что все исследования поколения обращены главным образом к проблематике социализации молодежи и ее особенностей в сравнении с другими возрастными когортами. Тем самым пренебрегается или недоучитывается проблематика других возрастов, занимающих иное функциональное место в системе социокультурной репродукции, политики, экономики и т. п.

Однако, вопреки всем подобным критическим оценкам поколенческих исследований, это понятие остается широко распространенным и продолжает использоваться в публицистике, общественных и политических дискуссиях. А это, в свою очередь, говорит о функциональной значимости комплекса представлений, образующих это понятие.

Следует согласиться с ведущей исследовательницей этих проблем, историком Ульрикой Юрайт, которая после критического разбора выраженных подходов к этой тематике предлагает считать понятие «поколение» коммуникативным понятием (коллективным понятием среднего уровня – *ein Kollektivbegriff mittlerer Reichweite*), позволяющим связывать различные области публичных дискуссий и научного знания, транслируя тем самым общественный интерес к данной тематике в специализированные сферы, связывая науку и общество¹⁰.

Подводя итог своему разбору различных подходов и концепций поколенческих исследований, она формулирует четыре вопроса, направляющих внимание исследователя:

1. *Акторы* – кто определяет себя как «поколение», в какой момент времени, под действием каких интересов и с какими аргументами?
2. *Система координат* – какие базовые значения устанавливаются и фиксируются в качестве основания поколения?
3. *Предмет* – как, каким коммуникативным образом производится генерационная взаимосвязь (= *символическое отнесение себя к поколению*)? (курсив наш. – *Прим. авт.*)
4. *Контекст* – какое изменение общественного опыта выражается в представлении себя в качестве поколения?

В России не было ничего похожего на интенсивные дискуссии, идущие в немецкой научной и общественной среде, о проблематике «поколения», критике различных подходов к этой тематике или, напротив, защите исходной мангеймовской постановки проблемы¹¹. Напротив, все усилия университетских и академических социологов, занимающихся изучением молодежи, направлены на то, чтобы при обсуждении проблематики смены поколений снять все вопросы перспектив социального изменения, взаимосвязи политики и морали, общественной активности молодежи по изменению существующего порядка и подтвердить выводы, что у нас с молодежью «все в порядке», как в других развивающихся странах, или что новации, неиз-

¹⁰ Jureit U. Generationenforschung. UTB, 2006. S. 124–131.

¹¹ См., например, литературу, приводимую в кн.: Generation. Zur Relevanz eines wissenschaftlichen Grundbegriffs / Hrsg. von U. Jureit und M. Wildt. Hamburg: Hamburger Edition, 2005. S. 320–352.

бежные с течением времени, не затрагивают принципиальных аспектов сложившегося в 2000-х годах авторитарного режима.

Дело осложняется тем, что предшествующая система бюрократического культурного воспроизводства («интеллигенция») оказалась абсолютно неспособной к выработке необходимых представлений и взглядов, которые могли бы стать идеологической основой демократии в России, ее защитой, подготовкой новой генерации управленческого персонала в важнейших для этого институциональных сферах – суде, полиции, государственном управлении и т. п. Необходимым условием для этого должны были быть принципиальная проработка советского прошлого и морально-правовая оценка советской коммунистической системы как «преступной», чего не произошло и не могло произойти в силу того, что новая власть сознательно объявила себя преемником прежнего государства. Новый политический класс при путинском правлении, объявив себя заимствованным словом «элита» или «новое дворянство», «новая аристократия», закрыл любые возможности рефлексии и рационализации прошлого, а значит, любые формы критики и оценки политики, проводимой ее представителями. Вопросы национального развития оказались подмененными интересами сохранения авторитарного и репрессивного политического порядка. Поэтому любые теоретические или практические вопросы о роли молодежи, конфликте поколений, социокультурной динамике были закрыты как проблемы общества.

С уничтожением идеи истории, ее драматической сложности и многовекторности, с маргинализацией и вытеснением из сферы публичности групп, выступавших с проектами других вариантов национального развития, тема поколений в России приобрела либо чисто политический и прикладной смысл (технологий и методик «патриотического воспитания молодежи»), либо иллюзорный характер рассуждений о «новациях, вносимых молодежью» в сферы потребления, коммуникативных практиках, явлениях, объявляемых фактами «низовой модернизации» (которые следовало бы называть инфантильным смещением в сторону аффективных переживаний и развлечений).

Разложение институциональной системы советского тоталитаризма шло как процесс «дифракции» и фрагментации принудительной (нормативной) системы контроля и управления поведением в закрытом обществе: ослабление связей между символическим уровнем и прагматическим уровнем действия. Символический уровень (поддержание образцов социального целого) обеспечивается и поддерживается социальными институтами, отвечающими за сохранение и воспроизводство коллективной идентичности, а именно организациями и ведомствами легитимации власти (пропаганда, СМИ, массовое образование, ведомства «культуры») и структурами господства – армией, полицией, государственным управлением. Они отделились от повседневного уровня существования и поведения обычных людей. Прежде единая система государственно-бюрократической организации жизни: *работа* в государственных организациях – от армии, министерств, НИИ, вузов до закрытых «ящиков» и колхозов, органов социального обеспечения, медицины, образования, воспитания (массовая школа, пионерские лагеря или детские сады), система *распределения материальных благ* (жилье, «торговля», профсоюзы), разделилась на отдельные сегменты, в которых государственная идеология представлена с разной степенью определенности и жесткости принуждения по отношению к отдельному субъекту. В ходе реформ 90-х годов все прежние советские структуры социального обеспечения (главный предмет «отеческой заботы» государства) либо деградировали (как система общедоступного «бесплатного здравоохранения» и «заботы о детях») и развалились, либо исчезли (как профсоюзные дома отдыха, санатории, профилактории, детские сады, пионерлагеря и т. п.), будучи приватизированными объектами, сменившими свое назначение. Перестав быть государственными, они утратили свой идеологически нагруженный смысл, как и любое ставшее коммерческим заведение (значительная часть прежних функций сохранилась

в виде коммерческой медицины, платного образования, системы страхования, изменения пенсионного законодательства и обслуживания, высоких цен в учреждениях культуры и проч.).

Дезинтеграция социальной системы – развал интегрирующих механизмов связи между подсистемами *целеполагания* (политикой), *поддержания образцов* (идеологией), *религией, культурой* (сферой коллективных ценностей) и *адаптацией* (экономикой) – самым негативным образом сказалась на общественной морали и солидарности, сделав семью хранителем самых элементарных принципов поддержания взаимодействия норм (в первую очередь солидарности в малых группах и дистанцирования от власти как предпосылки физической безопасности и выживания, то есть опыта, усвоенного многими поколениями советских людей). Функции этих институтов, которые должны были бы стать условием рецепции новых идей и ценностей, приняла на себя семья, ставшая в самый острый и кризисный период (десятилетие реформ в 1992–2002 гг.) своего рода резервным социальным институтом для воспроизводства основных социальных отношений – источником образцов адаптации к изменениям внешней среды и выживания, а также целеполагания. Семья как базовая социальная структура за редкими исключениями не может быть институтом, функция которого заключается в интеллектуальной проработке текущих процессов, особенно сложных, меняющих тектоническую структуру социума¹².

Ограниченные масштабы рыночной экономики – монополизация рынка, государственное регулирование, доминирование в экономике так называемых «госкорпораций» (систем перераспределения доходов, обеспечение приоритетности политических целей руководства над частно-экономическими интересами) в сочетании с тотальной коррупцией, рейдерством и изъятием собственности распорядителями силовых ресурсов – породили «гибридные» формы организации жизни: сочетание формальных и неформальных институтов, использование права и правовых институтов преимущественно в интересах обладающих властью групп, административных кланов и теневых альянсов бюрократии с криминальным миром.

Проблемы «демократического транзита» развития осложняются еще и тем, что институт, претендовавший на то, чтобы быть хранителем, распределителем культурных благ, ценностей, – так называемая «интеллигенция» к моменту коллапса советской власти – оказался недееспособным, не имеющим в запасе сколько-нибудь значимых и продуктивных идей, идеологических и программных проектов, способных служить ориентиром и мотивацией радикальных преобразований. «Интеллигенция», если снять весь флер ее самохарактеристик, была в социальном плане не творческой элитой, каковой считали себя ее представители, а частью репродуктивной и управленческой бюрократии, обеспечивающей воспроизводство централизованной системы господства, образования и подготовки кадров управленцев, цензуры, идеологического обоснования режима. Самое большее, что эта бюрократия смогла произвести, – это идея рыночного детерминизма социальных реформ, вера в то, что переход к рынку повлечет за собой трансформацию всей социальной системы: развитие демократии, становление правового государства, гуманизацию и открытость общества и т. п. В очень вульгаризованном виде этот набор заимствованных транзитологических взглядов и положений стал не программой изменений, а переделом власти и собственности, условием прихода к руководству страной и легитимации своего статуса представителей силовых структур, восстановивших во многом централизованную дирижистскую систему государства.

Продолжительный социетальный кризис и аномия 1990–2000-х годов вывели на поверхность те структуры двоемыслия и цинизма, которые ранее имели латентный, ситуативно опре-

¹² Речь здесь идет именно о базовой модели семьи. В некоторых случаях, предполагающих сильнейшее давление среды, напротив, именно особая (партикуляристски отмеченная, например этнически, религиозно или социально дискриминируемая) семья может стать/быть хранителем универсалистских ценностей, рафинированных идей и культурных ресурсов, как это имело место в советское время, в эпоху государственного антисемитизма, в еврейских семьях, в которых культивировался этос личного достижения через овладение знаниями, умениями как средствами самозащиты.

деленный характер значимости и действия. В этих условиях «семья» как институт (в ее современной, эрозированной, нуклеарной или неполной форме) становится главным звеном социального воспроизводства, прежде всего каналом передачи комплекса элементарных нормативных требований и представлений о партикуляристской морали (верности членам семьи и ближайшего, неформального окружения – родственников, друзей; в меньшей степени – коллег). Нормы социальности сократились до условий совместного выживания, с одной стороны, и снижения давления коррумпированного и утратившего прежний авторитет государства на индивида, на его повседневную жизнь, с другой.

То, что семья в России оказалась главным институтом, обеспечившим устойчивость и репродукцию общества в ситуации краха советского государства, имело самые серьезные последствия: прежде всего, партикуляризм основных интересов и ресурсов семьи означал ограниченность или пределы структурно-функциональной дифференциации институциональной системы общества, отсутствие или ограничение потенциала для развития страны, усложнение ее внутренней организации. Для этого ее ресурсов было явно недостаточно. Семья не могла компенсировать импотенцию культурной «элиты», претендовавшей на роль «совести нации», выразителей «чаяний и духа народа», слабость политических партий, аморализм и ограниченность человеческого потенциала общества, отсутствие воображения и новых идей.

Максимум того, что могла совершить гуманитарная интеллигенция, – выпустить в свет, опубликовать запрещенную в советское время литературу 1917–1987 годов. Но этот поток произведений, как и «нежелательная» литература консервативных авторов второй половины XIX века вместе с переводной зарубежной литературой, не стал предметом критического осмысления и проработки прошлого, а превратился в догматический массив бесспорных утверждений и аргументов консервативного толка¹³. Но публикация этого обрушившегося на общество массива «запоздавших» книг заблокировала доступ современных авторов к читателю. В итоге целое поколение писателей и литераторов не получило доступа к своей аудитории, а значит, оказался прерванным процесс адекватного отражения переживаний и проработки опыта нового поколения интеллектуалов. Этот тренд к консервации наследия соответствовал общим интересам и установкам новой власти. В результате прошлое так и осталось непроработанным.

Разочарование в результатах реформ (и девальвация надежд на будущее, утрата самого «образа будущего»), падение уровня жизни, общая дезориентированность значительной части населения страны вызвали острую потребность в социально-психологической компенсации, обращении к обновленным мифам величия державы и идеализации прошлого. О значимости таких массовых запросов, стремлении найти образцы убедительного «прошлого» свидетельствует оглушительный успех сентиментальных картин мирной жизни в СССР, появление телепередач типа «Старые песни о главном», первый выпуск которых приходится на 1995–1996 годы, регулярное повторение на ТВ советских фильмов, вроде «Кубанских казаков» и проч.¹⁴ «Лирическое государство» и сентиментальный образ по-отечески заботливой власти, смоделированной по шаблону традиционной семьи, стали важным инструментом блокирования проблематики социальных изменений и нового, вносимого молодежью. Идеологически это если не остановило, то по крайней мере затормозило процессы осмысления прошлого, подавив тем самым стимулы к определению будущего.

Естественный социальный консерватизм семьи и узость ее запросов, ограниченность ее потенциала стали условием реставрации и частичного воспроизводства вертикально структурированного государства силовиков. Другими словами, то, что именно семья в условиях крупномасштабного кризиса тоталитарного общества-государства взяла на себя роль социальной

¹³ Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. М., 1995. 2-е изд. – 2009.

¹⁴ Анонс этого цикла музыкальных передач, ставших хитом на многие годы, начинался так: «Течет жизнь своим чередом в передовом колхозе под песни и пляски». <https://www.vl.ru/tv/cast/623/147784>

репродукции, обернулось, с одной стороны, отсутствием принципиальных (содержательных) изменений в системе коллективной идентичности, сохранением в общем и целом советских представлений времен холодной войны или брежневского застоя (отсутствием нового), а с другой – ограниченным характером и рамками поверхностных, номинальных заимствований из стран, являющихся образцами для подражания (масскультурного и иного потребительского рода).

Цена таких изменений – резкое сокращение возможностей генерализации ценностных и нормативных представлений, примитивизация «общества» и повседневных социальных отношений, радикальное падение рафинированных форм культуры и интеллектуальной жизни, сохраняемых лишь в виде эпигонского подражания внешним источникам заимствований («идеологически», а не *актуально*).

Вся система институтов, сохранившихся в постсоветской России, направлена на подавление формирования универсальных моральных и правовых представлений и, напротив, воспроизводство норм, правил, социальных механизмов, обеспечивающих пассивную адаптацию к неконтролируемой власти. Было бы ошибкой полагать, что власти путинского режима сознательно, целеустремленно и планомерно проводят политику по разрушению групповой солидарности, что подобные социальные технологии господства могут быть предметом намеренных действий. Эффекты такого рода возникают как следствия совсем других действий и культуры снижающегося приспособления к повседневным обстоятельствам, вытеснения или девальвации «высоких» представлений о человеческом достоинстве, жизни, справедливости и т. п.

То, что вначале, в середине 1990-х годов, воспринималось как новая «открытость» российского общества и расцвет организаций «civil society», поддерживаемых деятельностью зарубежных благотворительных организаций и фондов (фонда «Открытое общество» Дж. Сороса, фонда Макартуров, фонда Форда, USAID, немецких фондов – Ф. Эберта, Ф. Наумана, Г. Бёлля, К. Аденауэра и др.), оказалось очень хрупким и недолгим явлением. Начиная с 2005 года укрепляющийся авторитарный режим, напуганный демократическими процессами в бывших республиках СССР (в Грузии, Украине, в республиках Средней Азии), взял курс на усиление цензуры и введение разнообразных ограничений для работы НКО в России, а затем и выдавливание иностранных фондов из страны.

В наибольшей степени эта ограниченность возможностей семьи и других репродуктивных систем (массовой школы, университета) сказалась в сфере проработки прошлого, без которой трудно помыслить себе какие-либо успехи в преодолении институционального наследия и культуры тоталитаризма. Эта работа, ведущаяся очень ограниченным числом неправительственных организаций, прежде всего ассоциацией исторических, краеведческих, правозащитных НКО «Мемориал», издательством РОССПЭН (ранее фондом «Демократия», возглавляемым А. Н. Яковлевым) и отдельными учеными, историками, была парализована и почти остановлена. Ее результаты (публикация документов, материалов о терроре и массовых репрессиях, способных стать основой для государственно-правовой оценки советского государства и, соответственно, институционального закрепления демократии) были очень важны, но недоступны публике из-за цензуры в СМИ, в системе образования и блокирования общественных дискуссий вокруг этих проблем. Вместо проработки прошлого режим во все больших масштабах проводил политику традиционализации и возвращения к государственной «идеологии патриотизма», ресоветизации и запрета на осмысление прошлого. В итоге новое поколение социализировалось уже в условиях восстановления прежних идеологических стереотипов и мифов, вытесняющих моральную потребность знаний о прошлом, навязывания населению «традиционных ценностей» и исторической метафизики «великой, тысячелетней России».

Собственно проблематика молодежи начала привлекать наше внимание в последние 25 лет. «По понятиям Нового времени и развитых общественных систем, молодежь – это ресурс ценностных сдвигов, социальных изменений, а потому заблаговременные ответы на вопрос о

будущем можно в какой-то мере получить уже сегодня, глядя на то, как ведут себя те или иные слои внутри более молодой части общества, какие напряжения они испытывают и какие ориентиры выбирают. ...[Особенность] этой проблематики состояла в том, что деление общества по возрасту – по поколенческим когортам или по ролям в семейной иерархии – на какое-то время в целом совпало с поляризацией населения страны по главной оси: по отношению к реформам политической и экономической системы, по вопросам о направлениях и темпах перемен, их носителях и механизмах. По исследованиям ВЦИОМа последнего пятилетия, включая экономический и социальный мониторинг прошедшего года, носителей „классического“ советского сознания год за годом все больше смещало к „социальной периферии“ – в самые старшие, пенсионного возраста группы, в слои менее образованных, за пределы крупных городов. И, напротив, признаки возрастной молодости, высокого образования, отчетливой урбанизованности, социальной активности и поведенческого динамизма, психологической мобильности как будто стягиваются к другому идеологическому полюсу – к позитивной оценке перемен, требованию их ускорить»¹⁵.

Акцент на разном наборе проективных антропологических качеств, служащих стандартами для идентификации, позволяет выявить различия в значимости достижительских, неиерархических и социально-коммуникативных образцов у продвинутых, реформистски настроенных групп, обладающих большими социальными и культурными ресурсами, и ориентацией на традиционалистские, пассивно-адаптивные образцы демонстративной лояльности (послушания, веры в Бога и др.) основной массы населения. Перенос нереализованных моментов самоопределения на фигуры «детей» в порядке символической компенсации, детей, «лишенных» самих по себе собственных характеристик, сохраняет характерную архаическую поколенческую структуру социализации недифференцированного общества¹⁶.

¹⁵ Дубин Б., Зоркая Н. Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения // 1994. № 2. С. 14–19. С. 16. Параметры молодежи в этих исследованиях: «юношество» (до 20 лет), «молодые люди» (21–24 года), с которыми сопоставляются «старшие братья и сестры» (25–29 лет). Их социализация пришлась на период между двумя эпохами – конца советской системы и ее распада, перестройки и реформ начала 1990-х годов. Поколение их родителей (40–49 лет, рожденные в послевоенные 1945–1950-е годы) формировалось в годы холодной войны, хрущевской оттепели и первых шагов по «разоблачению культа личности Сталина», брежневского застоя. Поколение «дедов» (рождения 1920–1930-х годов) – годы укрепления и развертывания тоталитарной системы, войны и репрессии. Возрастная категоризация теснейшим образом связана с урбанизационными и цивилизационными процессами: 60 % молодых до 25 лет живет в крупных городах, хотя там родились лишь 39 % из них (14 % – в малом городе, 24 % – в селе); но лишь 20 % их родителей – потомственные горожане, жители крупных городов, половина родителей – мигранты из сельской местности, горожане в первом поколении. Молодые люди обладают более высоким уровнем образования, чем их родители. На «молодых людях», как пишут авторы, обрываются все типовые линии жизненной карьеры образованных людей в советском обществе до перестройки. По своим самохарактеристикам это все еще «слабо дифференцированное, во многом закрытое общество. Пути к успеху с опорой на профессиональную квалификацию, как и знаки социальной привязанности подобного успеха, его престижа, здесь практически отсутствуют» (с. 17). Молодые россияне «тянутся в незаблокированные зоны приложения жизненных сил, ища не столько статуса, требующего долговременных усилий и „стратегических“ ресурсных вложений (в образование и специализацию), сколько неотсроченного вознаграждения, опирающегося на тактические умения ориентироваться в локальной, определенной сегодняшним временем ситуации спроса. Область признания при этом ограничивается, скорее всего, своим кругом, группами сверстников», в какой-то мере – родителями. Соответственно, более важными становятся демонстративные аспекты поведения и знаки успеха, признаваемые главным образом среди «своих», а не обобщенные, авторитетные и общепризнанные свидетельства достижений.

¹⁶ Дубин Б. Дети трех поколений // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 4. С. 30–32 (анализ установок родителей на воспитание социальных качеств детей в разных странах, по материалам междугородного исследования в 36 странах INRA-Roper Starch).

К определению молодежи

Принципиальное понимание молодежной проблематики должно строиться на пересечении двух перспектив: внешней – с точки зрения «мира взрослых» – и внутренней, самоопределения молодых людей, осознания и символического выражения своего отличия от взрослых.

С точки зрения взрослых, «молодежь» – это не полностью социализированная возрастная когорта общества, не обладающая всей полнотой прав, обязанностей и свободой действия, а значит, отличающаяся в каких-то существенных аспектах от того, что понимается под «взрослым» человеком, вписанным в социальную систему, «адекватным», соответствующим нормативным социальным ожиданиям основной массы населения.

С точки зрения молодых, «молодежь» – это неопределенное множество «сверстников», определяемое как потенциально взрослые, но еще не взрослые, поскольку они лишены тех прав, статуса и возможностей, которыми пользуются полноценные взрослые (возможность самостоятельной жизни, заработка, которого хватает на самообеспечение и обеспечение своих сексуальных партнеров (сожителей, семьи), включая жилье и другие необходимые блага и формы поведения. Это принимаемая на себя точка зрения взрослых, задающая нормы социального неравенства, иерархии и требований/ожиданий соответствующих норм поведения и санкций за их нарушение. В некоторых (довольно редких) случаях «молодежь» осознает себя как социально-культурное множество, обладающее собственной самодостаточной идентичностью, конституированной специфическими ценностями и убеждениями, характерными именно для молодых в противопоставлении миру взрослых.

Поколенческие особенности могут осознаваться и подчеркиваться как:

1) принятие роли зависимых от взрослых и потому неполноправных, не полностью дееспособных в социальном, экономическом, гражданском, сексуальном и физическом плане; такого рода «инфантильность» может носить двойственный характер: во-первых, быть средством эксплуатации молодыми взрослыми (например, проживание «взрослых», часто семейных, «детей» вместе с родителями, жизнь за их счет, хотя бы в какой-то своей части), а во-вторых, быть основанием для самоуважения и утверждения статуса у старших членов сообщества, «взрослых», отказывающих себе во многом для того, чтобы «молодежь жила лучше, чем мы, поскольку мы все сделали для нее». Эта «отложенная жизнь» старшего поколения становится важным ресурсом связанных с молодежью ожиданий на будущее и условием социализируемой «инфантилизации» молодых;

2) требование равенства прав со взрослыми и утверждение своей социальной полноценности, полученной в силу более раннего физиологического созревания, сексуальной активности, более высокого образования, преимуществ стартовых позиций, накопленных другими акторами, прежде всего – старшими членами сообщества социальных активистов;

3) обладание ресурсами, компетенциями, навыками и способностями, которыми не обладают взрослые, что составляет очевидное преимущество молодых в социальной сфере – на рынке труда, в информационном поле, мобильности и т. п.;

4) обладание особым опытом, которого не имеют взрослые, полученным в чрезвычайных обстоятельствах – исторических событиях (участие в войнах или вынужденное переживание страданий в качестве жертв военных действий, катастроф, социальных потрясений, массовых репрессий, проводимой властями политики, участие в общественных акциях – государственных мобилизациях или, напротив, спонтанных движениях волонтеров, студенческих бунтах, протестных манифестациях, неизвестных старшему поколению);

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.